

УДК 821.161.1.-343(4)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАНТОМ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ

Орехов В. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Статья посвящена актуальному вопросу сравнительного литературоведения и нацелена на исследование мифологической природы представлений о Европе, бытовавших в русской литературе XIX в. В статье выявляются механизмы воздействия европейского мифа на русско-европейские литературные контакты и прослеживается сценарий формирования и деградации европейского мифа в русском литературном сознании, воплощённом в литературном тексте.

Ключевые слова: имагология, миф, русская литература, Европа, литературные контакты.

Постановка проблемы. Современную компаративистику интересует, как имидж государства (региона) влияет на специфику межлитературных отношений. Такое влияние может проявляться в различных формах. Попытаемся выделить и охарактеризовать одну из них – бытование образа инациональной страны в качестве стимула межкультурных контактов, что и станет **целью** нашей статьи. **Объектом** являются тексты русской литературы XIX в., фокусирующие разноплановую рецепцию Европы российскими литераторами.

Увлечение российской аристократии и интеллигенции первой половины XIX в. европейской, прежде всего, французской культурой и европейским образом жизни общеизвестно. Отбросив влияние скоротечных и внешних пристрастий, это увлечение можно определить как стремление к более высокому, нежели российский, уровню просвещения, к более справедливым законам человеческого общежития. А. А. Бестужев-Марлинский писал из Петропавловской крепости Николаю I, что после взятия Парижа «войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: как хорошо в чужих землях» [1, с. 485]. Декабрист И. Д. Якушкин, вспоминая ту же эпоху, выражается в своих записках в том духе, что русские офицеры (декабристы) решили «пересадить Францию в Россию» [9, с. 190].

Понятно, что многие после трагической неудачи декабристов могли счесть более осуществимым «перенести» самих себя в ту же Францию, нежели «пересаживать» французские правила жизнеустройства в Россию. Подобную попытку совершил ныне почти забытый русский учёный-филолог Владимир Сергеевич Печерин.

В 1833 г. В. С. Печерин в качестве члена Дерптского профессорского института отправился завершать подготовку к профессорской деятельности в Берлин. После двухлетнего обучения и путешествий по Европе он вернулся в Россию и получил должность экстраординарного профессора в Московском университете. Однако через год Печерин под предлогом печатания диссертации в Берлине снова отправился за границу и стал тем, кого в недавнем прошлом у нас именовали «невозвращенцами». Он был лишён российского подданства и всех прав состояния. В. С. Печерин умер в Ирландии в 1885 г. Мемуары его в полном виде были опубликованы только в 1932 г., в 1989 г. переизданы с исправлениями и получили название, подобранное издателями: «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». Эти воспоминания да-

ют возможность проследить духовную эволюцию, пережитую русским учёным за время его почти пятидесятилетнего заграничного «путешествия», зафиксировать, какие преобразования претерпел образ Европы в сознании Печерина.

Причину бегства из России Печерин объясняет отсутствием на родине свободы волеизъявления, свободы вероисповедания, свободы мнения. Эти обстоятельства настолько угнетают его, что во время берлинского пребывания он написал строки, которые в дальнейшем назвал «безумными»:

*Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!* [7, с. 161]

Путешествие Печерина в поисках свободы начинается со Швейцарии. В г. Лугано, который Печерин именует «фокусом революции», он настойчиво ищет общения с республиканцами. Он увлечён политическими рассуждениями, но скоро замечает, что «государственные люди» в «маленьких швейцарских республиках» – это «просто добродушные мещане» [7, с. 178].

Быстро издержав деньги, Печерин перебирается в Цюрих с надеждой жить уроками. Видимо, он начинает чувствовать еще неосознанное разочарование, поскольку Швейцария начинает напоминать ему Россию, от которой он бежал. Так, по дороге в Цюрих он замечает, что зимой «живые прелести» Швейцарии задернуты «каким-то однообразным сибирским саваном» и «великолепные водопады» висят «ледяными сосульками <...>, будто клочки инея на бороде русского мужика» [7, с. 182]. В Цюрихе Печерин живо интересуется освободительным движением итальянцев, идеями революции и республики. Сводит близкое знакомство со швейцарским патриотом Банделье, который, как выражается Печерин, «жил по-республикански, т. е. с какою-то женщиною», находясь «у неё на содержании» [7, с. 183]. Скоро Печерин делает открытие. Оказывается, что в Цюрихе для получения учительского диплома достаточно «попотчевать» экзаменатора «бутылкою вина». «Я думал, что в свободной республике взяток не берут, – заключает автор. – Да нет! <...> Взятки в самой природе человека». И тут западные обычаи напоминают Печерину Россию: «Удивляются, что есть такое сочувствие между Россией и Соединёнными Штатами: ведь, кажется, образ правления совершенно различный. Помилуйте! Есть коренное сходство между этими двумя странами: в обеих берут взятки <...>. Но только что Россия ужасно как отстала» [7, с. 186].

Сделав непомерные долги, Печерин бежит из Цюриха во Францию. «Вот и Франция! – восклицает он внутренне, добравшись до границы. – Вот она, обетованная земля, таинственный предел мечтаний и надежд моего детства и моей юности!» [7, с. 188]. Чтобы прокормиться в «обетованной земле», Печерин первым делом вынужден продать панталоны, но его греет мысль о другом: «Теперь я свободен <...>! Ведь я во Франции <...>! Будущее мне принадлежит <...>» [7, с. 188]. Французская полиция, однако, не оценила восторгов эмигранта и без оговорок выпроводила его из страны. «Точь-в-точь как у нас на святой Руси!» [7, с. 194] – решил Печерин, направляясь в Бельгию.

Видимо, Печерин снова начинает отчаиваться, поскольку европейские ландшафты опять напоминают ему Россию [7, с. 195]. Но в Льеже его ждёт новое увлечение – франкмасоны. Снова энтузиазм... И потом как результат наблюдений за масонской средой горькая фраза: «Ну что же это такое? <...> Ведь это то же, что у нас в России: *нельзя ли как-нибудь*» [7, с. 219].

Разочарование в революционных теориях и обществах приводит Печерина в лоно католической церкви, и в 1841 г. он становится монахом редemptористского ордена, а через два года католическим священником. Чтобы разочароваться в новом предназначении, русскому филологу понадобилось 20 лет. И вот наблюдение, поразившее Печерина: «Я узнал, что в монастыре шпионство процветает точь-в-точь как у нас в старые годы» [7, с. 306]. Кроме того, корыстолюбие отцов католической церкви напомнило Печерину «*поповские глаза*» [7, с. 242].

Разочарования Печерина имеют одну причину: европейские институты и обычаи ничем не отличаются от российских. Идеальные представления о Европе рассыпаются, в какой бы стране Печерин ни старался их проверить. 25 лет жизни потрачены на сравнение идеализированного образа Европы с Европой реальной, на выяснение, что Европа не лучше России. В 1861 г. в сознании Печерина происходит переворот. Решив перейти в известный аскетизмом орден траппистов, Печерин почти сразу бросает эту новую стезю по причине, ранее для него несвойственной. До него доходят новости об эмансипации крестьян в России, и вот его реакция: «Как же мне живому зарыться в этой могиле и в эту важную эпоху ничего не слышать о том, что делается в России?» [7, с. 252]. До этих пор Печерин смотрел на Европу через призму представлений о России и горевал, обнаруживая в «идеальной» Европе российские черты. Теперь, познав Европу, он чувствует, что образ родины становится для него притягательным, выигрывает на фоне европейской действительности. Он осуждает своё прежнее преклонение перед культом французской нации: «Мне и в голову не приходило, что Россия-то именно та *свежая* держава, которой великие судьбы только что начинаются, а Франция – отжившая свой век нарумяненная маркиза» [7, с. 207]. Воссоздавая в мемуарах цепочку бесчисленных разочарований, вернувших ему привязанность к родине, Печерин характеризует свои записки так: «Это <...> моя защита перед Россией, особенно перед новым поколением. <...> Да! Потому что мне непременно надобно оправдаться перед Россией» [7, с. 235]. Мемуары Печерина не были опубликованы при жизни автора, и он так и не узнал, насколько действительно его «оправдание перед Россией».

Впрочем, нас интересует не моральный урок, а история вопроса и его масштабы. Почему миф о свободной и просвещённой Европе так всепобеждающе овладел воображением русского учёного? Насколько популярен был этот миф вообще в российском общественном сознании?

Сам Печерин склонен находить истоки увлечения «европейской мечтой» среди детских впечатлений. Круг его детского чтения в 1812 г. составляли почти исключительно драмы Коцебу и романы г-жи Жанлис. В 10 лет мальчик читал на языке оригинала французские романы и трагедии Расина, французский «Журнал для детей». Тиранический характер отца и униженное положение матери вызывали у ребёнка «желание переселиться в другую, более человеческую среду» [7, с. 152]. Оче-

видно, именно французское чтение направило это стремление в сторону Франции. Во всяком случае, в 1812 г. в день провозглашения манифеста о победоносном завершении Отечественной войны пятилетний мальчик «молился за французов и просил бога простить им, если они заблуждались» [7, с. 152]. В 1819 г. Печерин задумал свой первый побег во Францию.

Может сложиться впечатление, что в эпоху российской галломании похожими настроениями было заражено всё поколение. Но вот воспоминания графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, ровесника Печерина (родился в 1807 г.): «Была в то время песня очень в ходу <...> «Грянул внезапно гром над Москвою», с припевом в каждом куплете: «Ай донцы, молодцы!» Её мы часто певали в нашей детской с горничными девушками, а так же и другую: «Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки и кричит пардон...» [3, с. 398] Ещё одна параллель: детские впечатления Николая Ивановича Пирогова, который в 1833 г. вместе с Печериным отправился за границу как член профессорского института. «Карикатуры на французов, выходившие в 1815 – 1817 годах, расходившиеся тогда по всем домам, я, как теперь, вижу, – вспоминает хирург, который учился русской грамоте именно по этим карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. – Первая буква **А** представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с надписью: *Ась, право, глух, Мусье, что мучить старика? // Коль надобно чего, спросите казака.* <...> **В.** Французские солдаты раздирают на части пойманную ворону, и один из них, изнурённый голодом, держит лапку, а другой, валяясь на земле, лижет из пустого котла. Надпись: *Ворона как вкусна, нельзя ли ножку дать, // А мне из котлика хоть жижи полизать*» [8, с. 223]. «Это учение грамоте по карикатурным картинкам, – рассуждает Пирогов, – вряд ли одобрится педагогами. <...> Зато эти карикатуры <...> развили во мне рано любовь к славе моего отечества. В детях, как я вижу, это первый и самый удобный путь к развитию настоящей любви к отечеству. Так было, по крайней мере, у меня <...>» [8, с. 223].

Так было не только у Пирогова. О тех же карикатурах вспоминает граф М. В. Толстой, родившийся в 1812 г. [11, с. 257], о них же могло вспоминать почти всё печеринское поколение. Пирогов считает, что именно это детское воспитание патриотизма развило в нём самом иммунитет к обаянию Европы: «<...> Я от 17 до 30 лет, окружённый чуждою мне народностью, среди которой жил, учился и учил, не потерял, однако же, нисколько привязанности и любви к отчизне, а потерять в ту пору было легко: жилось в отчизне не очень весело и не так привольно, как хотелось жить в 20 лет» [8, с. 223].

Впрочем, обаяние Европы и Франции, Пирогов всё же ощущал. Он рассказывает, что во время пребывания в Дерпте французские учёные его восхищали и казались в сравнении с немцами «народом избранным, даровитым, симпатичным» [8, с. 335]. В 1837 г. (т. е. почти одновременно с Печериным) Пирогов отправился в Париж. В результате своих французских наблюдений и научной полемики со знаменитым медиком Ж.-З. Амюсса русский хирург переменял мнение о французах: «<...> Тщеславные французы, с предвзятым мнением, никогда не сознаются в ошибках и заблуждениях» [8, с. 411].

Европа влекла к себе уже тем, что это *другая* страна, неизбежно вызывающая любопытство своей новизной. В 1829 г. в Париж для завершения образования отправился будущий ректор-профессор императорской академии художеств Федор Иванович Иордан. Он вспоминает, какое впечатление произвёл на него первый же попавшийся по дороге европейский город Свинемюнд: «Несмотря на ничтожность этого городка, меня всё в нём поражало. Кроме домов и костюмов, мне казалось, что даже деревья и самое небо иные, нежели у нас» [5, с. 82]. У Иордана сохранились довольно доброжелательные воспоминания о Париже, но и он часто склонен к иронии и критике относительно французского образа жизни.

Пожалуй, наиболее резко разочарование Европой проявилось у Л. Н. Толстого. В 1857 г. он два месяца живёт в Париже, о котором пишет В. П. Боткину: «Наслаждение искусствами, Лувр, Versailles, консерватория, квартеты, театры, лекции в Collège de France и Сорбон, а главное – социальной свободой, о которой я в России не имел даже понятия» [4, с. 281]. На другой же день после письма Толстой присутствовал на публичной казни гильотиной. Эта сцена так его потрясла, что через день он покинул Париж. В Швейцарии Толстой наблюдает ситуацию, описанную в рассказе «Люцерн», и, кажется, Европа надолго отвращает его к себе. Он возвращается в Россию, наблюдает российские порядки и... делает запись: «Противна Россия. Просто её не люблю» [4, с. 293].

В 1860 г. Толстой вновь отправляется в путешествие по Европе, посещает самые знаменитые места: Ниццу, Флоренцию, Ливорно, Неаполь, Лондон, Париж, Брюссель... И как итог пишет такой набросок в виде послания другу: «Только мы, русские варвары, не знаем <...> разрешения вопросов о будущности человека и лучших путях образования; в Европе это уже вопросы решённые; и что замечательнее всего, решённые на тысячу различных ладов. В Европе знают не только законы будущего развития человечества, <...> знают, в чём может осуществиться счастье отдельной личности и целых народов, знают, в чём должно состоять высшее гармоническое развитие человека и как оно достигается. <...> Мало того: как сложное вещество, разложили душу человека на память, ум, чувство и т. д. и знают, сколько какого упражнения для какой части нужно. Знают, какая поэзия лучше всех. Мало того: верят и знают, какая вера самая лучшая» [4, с. 380]. Общее впечатление Толстого от второго путешествия по Европе было таким, что он, по наблюдению биографа Н. Н. Гусева, «ни в одном сочинении не помянул Европу добрым словом» [4, с. 379].

Условия российской действительности вынуждали искать личную свободу в Европе. А. С. Пушкин, с юности мечтавший о путешествии во Францию, неоднократно обращался к императору под разными предлогами с просьбой разрешить поездку, но получал отказ. В 1826 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне *свободу*, то я месяца не останусь. <...> В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай-да умница» [10, т. 13, с. 280]. П. А. Вяземский вполне мог понять чувство поэта. Через два года он сам планировал путешествие в Лондон и в Париж

совместно с Пушкиным, Крыловым и Грибоедовым и объяснял супруге: «А право, брюхом хочется в Париж...» [10, т. 14, с. 13].

В российском литературном и общественном сознании первой половины XIX в. Европа превратилась в образ-мираж. Официальная пропаганда, провозглашавшая мысль о «разлагающемся западе», была не в силах разрушить этот образ. Полемические выпады славянофилов настолько прямолинейно клеймили Европу, что зачастую вызывали лишь раздражение и желание противоречить, что провоцировало дополнительную актуализацию этого образа. После первого выпуска «Москвитянина» (1845) А. И. Герцен опубликовал в «Отечественных записках» насмешливую статью «Москвитянин и Вселенная», где характеризовал новый журнал: «<...> Он приготовил в тиши якорь спасения погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося в груди своей чёрные пророчества А. С. Хомякова, утопая в бесстыдстве знания, в алчном себялюбии, заставляющем европейцев жертвовать собою науке, идеям, человечеству, – ищет помощи и совета... и нет его внутри немецкого сердца... Но придёт время, кто-нибудь укажет на дальнем финском берегу лучезарный Маяк... тогда народы всего земного шара побегут к «Маяку», и он им скажет: идите на Тверскую <...>: там готово для вас исцеление в конторе «Москвитянина» [1, с. 18].

Неловкие нападки славянофилов на европейский образ жизни привели к тому, что журналисты, скажем, «Современника», высмеивая нарочитую ненависть к Западу, постоянно возвращались к европейским темам. Да эти темы и были востребованы читателями: новинки европейской литературы и науки, парижские моды, путевые записки о Европе, основные события парижской жизни (в «Современных заметках») – обо всём этом подписчики «Современника» имели оперативную информацию. В полемике между западниками и славянофилами Запад нашёл явно более остроумных и популярных защитников, нежели противников. Образ Европы, создаваемый в условиях этой полемики, воспринимался острее и актуальнее. Видимо, поэтому А. И. Герцен в «Письмах из Avenue Marigny», делает вроде бы неоправданный выпад в сторону славянофилов. «Молодое поколение, – пишет Герцен о парижанах, – гуманно, вежливо, даже нежно, вообще мягко. <...> Что за уважение к женщине, что за милое, трогательное внимание к детям! Как жаль, что народ, развивший в себе такие прекрасные свойства, должен погибнуть, а делать нечего, я это знаю из верных рук, мне это рассказывали мудрецы «Вшивой Горки» и «Плющихи»...» [6, с. 171].

Идеализированный образ Европы могло разрушить только столкновение с действительной, реальной Европой. Но и тогда, когда этот образ терял черты идеализации, Европа во многом выигрывала при сравнении с Россией. Однако это уже вопрос не литературоведения, а скорее, сравнительной истории.

В заключение скажем, что образ *другой* страны, существующий в литературе и в общественном сознании, является стимулом для развития межлитературных отношений, заставляет человека воспринимать этот образ как реальность и стремиться к нему. Демифологизация такого образа – сложный процесс, который оставляет следы в национальной литературе и в национальном сознании. Чтобы разрушить, например, миф о Европе, недостаточно, чтобы реальную Европу увидели Л. Н. Толстой, В. С. Печерин и другие авторы. Черты реальной, неидеализированной Европы должны войти в круг самых широких общественных представлений, которые, несомненно,

формируются совокупностью мнений и отзывов отдельных авторов. Таким образом, факт литературы сталкивается с фактом жизни, и это столкновение продуцирует новый факт литературы – реформированный образ *другой* страны.

Список литературы

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб., 1894. – Кн. 8. – 463 с.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Бестужев-Марлинский. – Т. 2. Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма ; [сост., подгот. текста, коммент. В. И. Кулешова]. – М. : Худож. лит., 1981. – 591 с.
3. Бутурлин М. Д. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина / М. Д. Бутурлин // Русский архив. – 1897. – Кн. 1. – С. 213–247.
4. Гусев Н. Н. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой (1828–1862) / Н. Н. Гусев. – М., 1927.
5. Иордан Ф. И. Записки ректора профессора Императорской академии художеств Федора Ивановича Иордана / Ф. И. Иордан // Русская старина. – 1891. – Т. LXX. – Кн. IV. – С. 71–116.
6. Искандер. Письма из «Avenue Marigny» / А. И. Герцен // Современник. – 1847. – Т. 5. – С. 155–196.
7. Печерин В. С. Замогильные записки (Apoloigia pro vita mea) / В. С. Печерин // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). – М., 1989. – С. 148–311.
8. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания / Н. И. Пирогов. – М., 1950. – С. 134–256.
9. По поводу записок И. Д. Якушкина и статьи о них П. Н. Свистунова // Русский архив. – 1871. – С. 189–379.
10. Пушкин А. С. Полное собр. соч. : в 19 т. / А. С. Пушкин. – М., 1994. – Т. 13, 14.
11. Толстой М. В. Воспоминания / М. В. Толстой // Русский архив. – 1881. – Кн. 2. – С. 245–313.

Орехов В.В. Европейський фантом у російській літературній свідомості / В.В. Орехов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 4, ч. 2. – С. 127–133.

Стаття присвячена актуальному питанню порівняльного літературознавства і націлена на дослідження міфологічної природи уявлень про Європу, поширених в російській літературі XIX в. У статті виявляються механізми впливу європейського міфу на російсько-європейські літературні контакти і простежується сценарій формування і деградації європейського міфу в російській літературній свідомості, втіленому в літературному тексті.

Ключові слова: імагологія, міф, російська література, Європа, літературні контакти.

Orehov V. V. European phantom in Russian literary idea / V. V. Orehov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 4, part 2. – P. 127–133.

Article is devoted to the urgent issue of comparative literature and aims to study the nature of mythological concepts of Europe, was common in Russian literature of the XIX century. The article reveals mechanisms of action of the European myth on Russian-European literary contacts and traced scenario of formation and degradation of the European myth in Russian literary consciousness, embodied in the literary text. Modern comparative is interested how the image of the state (region) influences to specificity of interliterary relationships. Such influence can appear in various forms. In the article we had released and described one of this forms such as existing of different nationality country's image as an incentive of intercultural contacts. Image of another country, being in the literature and in the public consciousness, is an incentive for the development of interliterary relationships and makes a person perceive this image as reality and strive for it. Demythologize of this image is a sophisticated process, that leaves a trace in national literature and national consciousness. Literary fact is colliding with fact of life and this collision is producing a new literary fact such as reformed image of another country.

Key words: imagology, myth, Russian literature, Europe, literary contacts.

Поступила в редакцію 16.10.2013 г.